

Елена Гаврилина

Преступления
на ТИХОЙ
улице

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Гаврилина, Елена Николаевна.

Г12 Преступления на тихой улице / Елена Гаврилина. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-249693-6

На тихой деревенской улице, среди привычного уюта, где пахнет свежей выпечкой, внезапно исчезает соседка Кира. Рита и её подруги сразу понимают: за этим стоит нечто большее, чем простая случайность. Странное поведение мужа Киры, натораживающие совпадения и находки, от которых становится не по себе, только усиливают их подозрения.

За посиделками в кафе «Самовар» подруги шаг за шагом складывают эту историю из тревожных деталей. Серьга Киры, спрятанная в тыкве, женские вещи в заброшенном лесном домике и анонимные угрозы заставляют их начать собственное расследование. Но удастся ли им выяснить, что на самом деле произошло с Кирой, если правда оказывается страшнее первых догадок?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гаврилина Е.Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-249693-6

Пролог

В самом сердце Уральских гор, словно в колыбели из вековых лесов, приютился маленький уютный городок, которому суждено было стать местом силы и возвращения. Пять хрустальных озёр, словно рассыпанное ожерелье, окружали его, отражая то изумрудные склоны, то свинцовое небо. Леса здесь были щедрыми — в сезон они дарили грибникам тугие боровики и рыжики, а ягодникам — душистую землянику и терпкую бруснику.

Население городка, которое местные шутя называли «сорок тысяч душ и одна общая», не стремилось к громкой славе. Но каждый из этих сорока тысяч знал: город У — не просто точка на карте. Он был родиной, тем местом, куда всегда возвращаются. Молодёжь уезжала учиться, взрослые — в командировки, но рано или поздно все они, как птицы, летели обратно — к своим озёрам, к запаху хвои и дыма из печных труб.

Когда город захлестнул строительный бум, администрация пошла на мудрый шаг — разда-

ла земельные участки на окраинах. Так вокруг городка У... вырос не просто пригород, а особый мир. Это не были ни деревни, ни сёла — это был уютный, продуманный до мелочей посёлок-мечта. Чистые улицы, аккуратные домики, снабжённые всеми благами цивилизации, но при этом утопающие в зелени. Выбор между квартирой в городе и таким домом был очевиден: кто откажется от собственного фруктового сада, моря цветов под окнами и небольшого огородика «для души»?

Гости, впервые попадавшие в город У..., замирали в восхищении. Они сравнивали его со Швейцарией — и были правы. Та же гармония природы и человеческого уюта, те же опрятные улицы и ухоженные скверы, украшенные пышными клумбами. Службы городской администрации работали как часы, делая город У... образцом порядка и благоустройства.

При этом У... оставался моногородом — большинство мужчин работало на градообразующем предприятии, гиганте металлургической отрасли, чья продукция занимала не последнее место в экономике страны. Стабильные зарплаты делали жизнь комфортной, хотя и сказывались на стоимости жилья. Но именно это сочетание — надёжная работа и уникальная природа — превращало городок У... в идеальное место для жизни. Особенно для тех, кто хотел встретить пенсию в окружении озёр, лесов и неспешной, душевной суеты маленького уютного поселения.

...Но главным чудом У... была его неразрывная связь с природой, которая жила с горожанами в ритме времён года. Здесь были снежные зимы, когда морозец, звонкий и щиплющий щёки, рисовал на стёклах причудливые узоры, а пушистый снег укутывал улицы в белое безмолвие. Были и жаркие лета, когда воздух над озёрами дрожал от зноя, а в лесах стоял густой аромат нагретой хвои и земляники. А уж осени и вовсе были прекрасны — золотые и багряные, прозрачные и пронзительные, когда каждый лист казался произведением искусства.

Птицы пели здесь не таясь — и в тенистых скверах города, и в палисадниках пригорода. Свиристели стайками облепляли рябины, синицы деловито перепархивали с ветки на ветку, а соловьиные трели по вечерам звучали громче телевизоров в открытых окнах. К людям привыкли не только пернатые. Бобры аккуратно подгрызали осины на городской площади, лисы по-хозяйски наведывались в парки в поисках мышей, а белки беззастенчиво выпрашивали у прохожих орехи, заглядывая в глаза умными бусинками. В пригороде же встретить лосёнка на тропинке или увидеть ежа, деловито спящего в сумерках, считалось делом обычным. Сам бог велел этим лесным жителям чувствовать себя здесь как дома, ведь город и природа жили в удивительном, хрупком и таком дорогом сердцу равновесии.

Глава 1

Тыквы и тени

Первый час, вернее 06:45, утра был самым ценным для Риты. Он принадлежал только ей. Она вышла на террасу, закутавшись в свой любимый рыжий плед с лошадками, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, пахнущий прелыми листьями и дымком. Высокая и стройная, она неспешно подошла к перилам, и это движение, как и все её движения, было удивительно плавным и немного замедленным. Утренний ветерок шевелил её вьющиеся от природы волосы пепельного оттенка, ниспадавшие мягкими волнами до плеч. Холодок слегка румянил белую кожу, и она, чуть вздёрнув немного курносый нос, подставила лицо осеннему солнцу. Его лучи высветили её глаза, превратив из обыкновенных голубых в яркие, почти бирюзовые. Ладони согревала кружка с горячим кофе. Уличные шторы ещё были не сняты, на террасной мебели и на качелях лежали подушки. Кресло-гамак покачивалось от тёплого ветерка. Рита

любила это время года. Конец сентября... Сухая осень, листья на деревьях ещё держались, гре-ло солнышко, и хозяйке дома не очень хоте-лось убирать всё это на зиму, можно было ещё устроить несколько посиделок с кексом, свеже-сваренным вареньем, заварить травяной чай... А можно и по бокалу вина. Рита прищурилась от удовольствия... Как у поэта:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера.

Их дом стоял в глубине сада, и с террасы от-крывался вид, который она любила во все време-на года. Весной — белоснежная пена цветущих яблонь и груш. Летом — тенистая прохлада. Сей-час, в конце сентября, сад полыхал багрянцем и зо-лотом. А у подножия деревянных качелей гости-ли тыквы — пузатые, ярко-оранжевые, собранные накануне. Рита с улыбкой провела по гладкому боку одной из них. Её пальцы наткнулись на шер-шавый след у плодоножки, похожий на старый шрам. Сколько же приятных посиделок с подруга-ми и семьёй повидала эта терраса за долгие годы...

Дом, в котором они жили, Иван построил своими руками — по рисунку Риты. Она ког-да-то набросала его на листе бумаги: дом её мечты, с террасой, утопающей в цветах, где пле-тистые розы и клематисы свивались в живой навес. Он должен был быть тёплым, как объё-

тие, — с деревянными стенами, пахнущими лесом и солнцем, с паркетом, по которому так приятно ходить босиком, и массивными балками под потолком, что хранили тихий шёпот вечеров. И льняными шторами на окнах, сквозь которые утренний свет лился мягко и струисто, словно сквозь облако.

Иван воплотил каждую линию рисунка жены. На первом этаже уютно расположились спальни — их дочерей и их собственная, — утопающие в тишине, просторная ванная комната и светлая кухня-гостиная, где пахло корицей и свежей сдобой. А из гостиной вверх, на второй, мансардный этаж, вела ажурная кованая лестница, будто свитая из осенних листьев.

Второй этаж они не стали делить. Это было одно большое пространство, сердце дома — с камином, в котором так весело потрескивали поленья, с огромным, будто на всю семью, диваном и массивным деревянным столом, за которым собирались они все: дети, внуки, родные, друзья. Здесь, у камина, с декабря по январь гордо возвышалась ель. Её хвойный аромат разносился по всему этажу, наполняя дом дыханием зимы. И по сложившейся традиции они наряжали её все вместе, под смех и вспышки гирлянд, в свете огней и сиянии шаров. Этот дом был не просто строением. Он был продолжением их любви, их истории, их жизни.

Со временем они вместе, втроём — Рита, Иван и сама земля, — обустроили и сад. Он скла-

дывался не спеша, год за годом, как складывается хорошая жизнь. Рита высаживала цветники, которые казались не спланированными клумбами, а маленькими дикими полянками, случайно выросшими у дома: люпины, похожие на разноцветные свечи, рыжие бархатцы, которые осенью становились маленькими солнцами, и ковёр из незабудок, голубевших в тени старой яблони.

Между этими островками дикой красоты Иван проложил витиеватые бетонные тропинки. Он заливал их сам, с упорством истинного хозяина, и они петляли по участку, словно нехотя подводя к главным точкам их маленького мира: одна — к крыльцу дома, пахнущего деревом и пирогами, другая — к бане, расположившейся поодаль.

Баня была его особой гордостью — красивый гладкий сруб из темнеющей со временем лиственницы. Из трубы по субботам поднимался в небо ароматный дымок берёзовых поленьев. А рядом, под сенью раскидистой ели, стоял гараж. Для Ивана это была не просто постройка для машины, а его личная крепость, святилище. Здесь он пропадал часами, что-то мастеря, возясь с инструментами, и из открытых дверей доносилось ровное жужжание шлифмашинки, стук молотка и тихое пошвыстывание — верные признаки того, что хозяин дома погружён в состояние счастливого, сосредоточенного покоя.

Её мысли о предстоящем юбилее мамы и уютных осенних вечерах прервало движение в доме напротив. Дмитрий Горчаков, их новый сосед, с неестественно бодрым, как ей всегда казалось, видом выносил в гараж какие-то коробки. Рита поморщилась. Что-то в этом человеке было не так, какая-то «гнильца», как метко определила Лидочка. Она отогнала неприятные мысли, сделав глоток горьковатого кофе. Не дело портить такое утро дурными предчувствиями.

«Рита! Опять на улице кофе пьёшь? Простудишься!» — донёсся из кухни ворчливый голос мужа.

Иван Степанович появился в дверях уже одетый — его коренастая, плотная фигура привычно заполнила проём. Его серьёзное и обветренное лицо было недовольно-озабоченным. Его взгляд скользнул по её высокой, стройной фигуре, задержался на пепельных волосах, трепещущих на ветру, — и снова нахмурился. В руках он, как всегда по утрам, держал её домашнюю куртку. «На, надень. Сквозняк».

«Я не младенец, Ваня», — мягко парировала она.

«Ага, а потом кашель, а потом я буду с тобой по врачам бегать», — пробурчал он, но в его глазах читалось не раздражение, а привычная, выстрадавшая нежность. «Ладно, мне на работу. Только без твоих детективов сегодня, слышишь? Делом займись. Маме подарок купи».

Рита лишь улыбнулась в ответ. Его ворчание было такой же частью утра, как и запах кофе. Она проводила его взглядом и снова погрузилась в созерцание сада. Её взгляд скользнул по дому Горчаковых. Вспомнилась Кира, жена. Хрупкая, вечно уставшая блондинка, которая, казалось, растворялась в собственном доме. Рита пару раз ловила её взгляд из окна — пустой и испуганный. А потом... потом её не стало. Скоропостижно. Остановка сердца, говорили. «Странно, — подумала Рита, отхлебнув кофе. — Очень странно». Она вспомнила, как за пару недель до того увидела их в саду. Дмитрий, улыбаясь, сжимал руку Киры так, что у неё побелели костяшки пальцев. Их взгляды встретились, и улыбка Дмитрия не дрогнула, а у Киры в глазах был чистый, животный ужас. Тогда Рита списала всё на играющее воображение. Теперь же эта картинка вставала перед глазами с пугающей чёткостью.

С террасы был виден не только дом Горчаковых, но и часть улицы — их маленький, уютный тупик из шестнадцати домов, упиравшийся в стену леса. Прямо на опушке, почти сливаясь с деревьями, стояло кафе Галочки «Самовар». Рита поймала себя на мысли, что сегодня среда. Вечером — мастер-класс по ватным ангелочкам и, конечно, обсуждение последних новостей. Главной новостью, несомненно, был Дмитрий. После смерти Киры он стал появляться чаще, и его навязчивая, улыбчивая любезность действовала на нервы всем.

Внезапно её пронзила отчётливая, ледяная мысль: а что, если её предчувствия — не просто блажь? Что, если за улыбками Дмитрия скрывается что-то настоящее и ужасное?

Она отставила недопитую кружку. Утро уже не выглядело таким безмятежным. Оранжевые тыквы под качелями смотрели на неё в упор. Они казались безмолвными хранителями жуткой тайны — той, что ещё не открылась её сознанию, но уже пробирала кожу липким холодом. Взгляд её упал на ту самую, со «шрамом». На солнце пятно у плодоножки казалось темнее, почти чёрным, как вход в потаённую нору.

«Надо поговорить с девочками», — подумала Рита. Тут же поймала себя на мысли — «девочками». Ха-ха. Рита уже была на пенсии, но ей не было шестидесяти, любимая соседка Лиза была младше Риты на шесть лет, болтушка Лидочка — ровесница Лизы. Да уж, «девочки». От этих мыслей улыбка непроизвольно заиграла на её губах.

Проводив мужа на работу, она занялась обычными домашними делами. Её плавные движения были полны природной грации даже тогда, когда она просто наводила порядок. Пройдясь по комнатам и убедившись, что дом в общем-то чист, она открыла свой ноутбук. Когда-то Рита Владимировна возглавляла строительную фирму, но, перебравшись за город и оставив свою должность более перспек-

тивной и молодой Аллочке, которую полностью к этому подготовила, выйдя на пенсию раньше обычного, она всё-таки работала из дома. Теперь Рита удалённо составляла простые договора на поставку материалов и выставляла счета на оплату для контрагентов. С зарплатой и пенсией личный доход у Риты получался довольно неплохой. Работа была не в тягость — скорее, ритуал, напоминание о том, что её мозг всё ещё в строю. Иногда, глядя на Ивана, вечно погружённого в свои рабочие заботы, но находившего время поворчать и натянуть на неё куртку, она с усмешкой думала, что именно её «простые договора» все эти годы были тем надёжным фундаментом, на котором стоял их общий дом.

Размышляя о своей жизни, она считала себя вполне счастливым человеком. С мужем они вырастили троих дочерей, которые, получив высшее образование, остались жить в большом городе и приезжали теперь только на праздники и дни рождения.

Подойдя к шкафу, чтобы выбрать что-то на вечер, она достала свою любимую шерстяную тунику — ту самую, про которую Лидочка в прошлый раз сказала, что она выглядит в ней «как министр тайных осенних дел». Рита замесила тесто для яблочного пирога. Эти мелкие, отработанные движения успокаивали и настраивали на предстоящий вечер, где за разговорами об ангелочках обязательно проскользнёт что-то важное о Дмитрие.

Надо бы выбрать тыкву для «Джека». Да, раньше, когда девчонки были маленькие, они все вместе вырезали тыкву и выносили её со свечкой внутри на улицу, ставили на небольшой кованный столик во внутреннем дворике. Теперь Рита всё равно вырезает тыкву по привычке, но выносит она её под бурное и гневное ворчание Ивана.

Спустившись с террасы и наклонившись, чтобы взять тыкву – та, что со шрамом, оказалась самой крупной и яркой, – взяв её в руки, почувствовала неладное: с одного бока тыква была подозрительно лёгкой, будто изнутри её уже кто-то выел. Головой покачала, отгоняя бредовые мысли. «Слишком много детективов, Рита Владимировна», – прошептала сама себе.

Но когда повернула тыкву в руках, кровь у неё застыла в жилах. Из узкой трещины у основания плодоножки тускло поблёскивал маленький металлический предмет. Присмотрелась – и сердце ёкнуло. Серьга. Та самая, с бирюзовой подвеской в виде капли, которую в последний раз видела в ухе Киры Горчаковой в тот самый день, когда та с таким ужасом смотрела на неё из-за куста сирени...

Воздух вокруг внезапно показался ледяным. Рита резко выпрямилась, сжимая в руках холодную тыкву-свидетельницу. Вечер в «Самоваре» обещал быть куда интереснее, чем просто мастер-класс по ангелочкам. Теперь у неё был не просто повод для тревоги. У неё была улика.

Глава 2

Ангелочки из ваты и тревожные звоночки

Рита, застегнув пальто, вышла за калитку. Осенние дожди ещё не начались, и дорога была сухой и чистой, устланной ковром из опавших листьев. Несмотря на вечернюю прохладу, воздух пах сухой осенью — пряный и душистый, с нотками влажной земли, спелых яблок и дымка из печных труб.

На мгновение она обернулась, её взгляд задержался на уютном доме Лизы, стоящем через забор, а затем тронулась в путь. Её неторопливые шаги выстроили в голове привычную, родную карту их маленькой улицы. Вот — дом новой молодой семьи, из открытого окна которого доносился смех ребёнка. Вот, через два дома, — аккуратный, как конфетка, домик Лидочки, а напротив, за низким заборчиком, царство тётки Аси, где вечно паслась её знаменитая коза Маруся. Дальше дорогу преграждали стройматериалы — здесь Илья не спеша возводил новый дом на продажу. А напротив стройки красовался его собственный, уже обжитой дом.

Путь Риты лежал дальше, к дому Галочки, который соседствовал по забору с домом Ильи, а напротив жила шумная и хлебосольная пара — Инна с Андреем. «Вот и вся наша улица, — не без нежности подумала Рита, — и за-